

Светлана Горбань, Наталья Лапина Зодчий из преисподней

Исповедь

Ее пальцы чуть заметно дрожали, голос прерывался:

— Мне страшно, отче, я... Я не хотела такого. Поверьте, не хотела, правда... Но я уже давно замечаю: если кто-то сделал мне плохо... Или я кому-то позавидовала... Я... С тем человеком обязательно что-то не так. Что-то страшное случается. Я предчувствую несчастья. И притягиваю их. Вызываю их против своей воли. Я не хочу... Если только подумаю о ней плохо, то — все...

— А ты, дитя мое, пробовала молиться за тех людей?

— Да. И за них, и за себя. Но... Но плохие мысли остаются, и тогда... Я боюсь. Я завидую сестре. Я... Не хочу этого, но завидую... Она младше меня, а уже выходит замуж. А когда же наступит мой черед? — нервные пальцы безжалостно мяли тонкую ткань платка, туго стягивали его на горле. — И еще... Мне нравится ее жених. Очень нравится. Я ничего не могу поделать... С собою. Почему так: все ей, всегда — ей? Красота — ей, талант — ей, жених — ей, новый дом — ей же. А мне?.. Я так не хотела их свадьбы! И сестра

заболела. Свадьбу отложили. А теперь снова... Собираются... сыграть. А я... Я не хочу, чтоб они... обвенчались... И снова об этом думаю. Постоянно. Очень боюсь, что с ней еще что-то случится. Виноватой буду я...

Старый священник понимающе вздохнул:

— Ты колдовала когда? Гадала? Вызывала духов?

Она испуганно прикрыла щеки ладонями:

— Я?... Да. Я не думала, что это так серьезно! В Петербурге ходила в спиритический кружок. Мы вызывали души умерших, ну... покойников. Но ведь этим почти все занимались... Это было не по-настоящему, как игра... Не я же одна... Я не продавала душу... нечистому! Все мои подружки гадают — и ничего.

— И ты гадала? И теперь гадаешь?

— Нет! Теперь уже нет. Три года подряд на Крещение мне снился один и тот же сон... Я загадывала на будущего мужа. Ставила возле кровати на ночь тарелку с водой и клала сверху мостик. Деревянный, из щепочки. Или линейку. И снилось, будто я в большом помещении. Высокий потолок — необыкновенно высокий — далекие стены, под стенами — галереи. И мостики — будто в торговом пассаже. И он шел через мостик ко мне, навстречу, и я хотела идти к нему... Хотела его рассмотреть, и хотела с ним... встретиться. Но мостик каждый раз падал. Вместе с ним. И я понимала, что мы не встретимся никогда. Эти сны так пугали! Будто пророчества. И после этого я уже не гадала.

Девушка съезжилась. За ее спиной безмолствовал янтарный полумрак богато украшенного собора.

Опывали восковыми слезами немногочисленные свечи. Сурово смотрели смуглые лики святых. Ледяным сквозняком веяло от мозаичного пола.

Из-за колонн тихо струились вкрадчивое шарканье ног и неразборчивый шепот. Храм никогда не бывает пустым...

Казалось, что самое тихое ее слово трубят по всей Вселенной несметные полки ангелов. «Все, что говорили на ухо внутри дома, то будет провозглашено на кровлях»...

Сжимала под грудью холодные пальцы, ладони судорожно липли одна к другой — в минуту, когда земля уходила из-под ног, душа искала опоры, надежного пристанища.

— А когда гадала — крест снимала?

Она испугалась еще больше, снова схватилась за горло. И в глазах, и в голосе задрожали слезы:

— Да. Но... Но мы просто развлекались. Шутили.

— С нечистой силой не шутят...

И девушка словно решила наконец:

— На моей совести уже две смерти! Я хотела, чтобы этих людей не стало — и... Их теперь нет. Обоих... Мне невеста брата... не нравилась... Очень не нравилась... И ее брат... тоже... Он меня обидел. И оба погибли, так ужасно!

— Ты подстроила им каверзу какую?

— Нет... Нет! Только хотела, чтоб их не было... Чтоб не мешали... нам... жить...

— И не колдовала?

— Нет. Нет! Я и не умею! — подняла руки, словно

защищаясь — и опустила бессильно.

Где-то далеко, в другом, счастливом мире, шел теплый дождь. И ветер шелестел мокрой, едва начавшей желтеть листвой. Рядом, за стеной. Она слышала этот шелест. И свое дыхание. Страшные темные глаза остекленело смотрели сквозь миры...

Старец грустно покачал головой.

— Они... Они не отпустят меня? Никогда?

— Кто?

— Бесы. Они не отпустят? И на том свете — тоже?

— На все воля Божия. Надейся.

— Батюшка, что мне делать?

— Молись. Молитва сильнее всех происков нечистой силы. Сходи пешком в монастырь к Козельщинской Божьей Матери. Бог милостив. Надейся. Причащайся. И — молись, молись, молись. И за нее, и за себя. Оружие против нечистой силы — пост и молитва.

Длинные тонкие пальцы с некрасивыми бугорками суставов тербели краешек кружевного платка на груди.

Далеко за окнами храма пробился сквозь толщу туч лучик осеннего солнца, и сразу несколько янтарно-желтых отблесков озарили притвор.

И сумрак отступил.

Ненадолго.

Парень с гвоздем в груди

Автостанция оказалась типичной и убогой: безликая стеклянная коробка из скрепленных металлическим каркасом серых, словно никогда не мытых огромных стекол. Два затоптанных газончика, два безнадежно осунувшихся от долгих невзгод киоска и такое же унылое и темное кафе с весьма «подходящим» названием — «Версаль».

Только снег украшает эту неживописную местность, его уже навалило порядком — по самую щиколотку.

На обозначенных лишь бордюрами платформах — несколько обтрепанных дедов и неопределенного возраста тучных баб с плотно набитыми ведрами и сумками. Отворачиваются от ветра, ругают стужу, цены, транспорт и правительство... За киоском притаились двое худеньких пацанят в коричневых пальтишках, желто-зеленых шароварах и видавших виды кроссовках, бывших когда-то белыми. Курят, разумеется.

Ветер пронизывает до костей, редкие снежинки остро колот лицо. Но в помещение вокзала Боря Тур заходить не хочет. Похоже, там холоднее, чем на улице. Ледяные сквозняки — от бетонного пола до туманной мглы нелепого высоченного потолка. Затхлым запахом пота веет

от стен и старых скамеек.

И отвратительное бахканье насквозь промерзшей металлической двери.

А он надеялся, что последняя железная дверь затворилась за ним сегодня утром. В зловещем тамбуре на проходной колонии. Сначала заскрежетали запоры сзади. Долгая-долгая пауза. И только вслед за ней заскрипела механическая задвижка перед ним.

Он не рванулся, не побежал. Задержался на какой-то миг. И двинулся вперед спокойно и уверенно. Хотя и на негнущихся деревянных ногах.

Вышел. Старательно, от всей души вдохнул воздух свободы. И направился в сторону автостанции — всего каких-то пять-шесть километров. Боря знал — куда. Хорошо помнил дорогу. Почти пять лет мысленно каждый день проходил по этому маршруту. Представлялось это — как радостное, солнечное путешествие. Мечтал о нем. Грезил им. И наконец — амнистия.

И вот — холод и мрак, и вместо радости — съезжившаяся в груди тревога. И дрожание на открытой всем ветрам платформе. И от мороза — лишь плохонькая старая курточка, под засаленной на сгибах плащовкой — сбитый комками синтипон. Она давно уже превратилась в демисезонную, а о ее зимнем прошлом напоминает только заношенный воротник из искусственного меха. Черная вязаная

шапочка, острый голодный взгляд, нервно напряженные плечи — каждый встречный мгновенно догадается, откуда он: два последних года XX века и три первых XXI столетия провел за решеткой.

И точно. Лишь только ткнулся к малюсенькому, глубоко погруженному в стену окошку, кассирша неприветливо уколола испуганным взглядом:

— Минут через десять-пятнадцать будет частный микроавтобус. Проходящий. В будни там всегда есть места. Но у них дорого. В полвосьмого есть еще харьковский, рейсовый. Тоже проходящий. Ждите.

Ждать он не хотел. Разница в цене показалась незначительной. Конечно, он не собирался сразу растратить последнюю копейку, но решил уехать отсюда как можно скорее. Даже если не будет свободных мест, всегда можно договориться с водителем.

Но прошло уже почти полчаса, а микроавтобуса и в помине не было. Вместо него, натужно пытая мотором, подъехал старенький «ПАЗик», и в него, заголовившись и немного покрячав, мирно уселись деревенские мужики и тетки со своими вечными торбами и ведрами. Дверцы со скрипом сомкнулись, и они, сопровождаемые деловитым тархтеньем мотора,

отправились то ли в Пронозовку, то ли в Калатозовку — туда, где их ждут любящие домочадцы, теплые комнаты, где они будет хозяевами жизни, а не надоедливými гостями, как на этом Богом забытом вокзальчике.

Маленькие курильщики тоже подались домой. Стало совсем пусто.

И безжалостный гвоздь, который он носил в сердце последние несколько лет, снова начал жечь изнутри. Как всегда, когда на душе пусто, одиноко и темно... Когда вот так неотвратимо надвигается пасмурный вечер. Тучи. Вьюга. Снег. И тусклый свет из чужих промерзших окон.

Когда он, окончательно замерзнув, надумал-таки податься в убогий «Версаль», на вокзальную площадку неожиданно влетел ярко-фиолетовый микроавтобус. Он затормозил сбоку, будто не хотел иметь с этой нелепой автостанцией ничего общего.

Мягко чмокнула дверца, и к туалету неспешно зашагали несколько прилично одетых пассажиров.

Автобус оказался почти наполовину свободным, поэтому пузатый водитель сразу согласился его взять, хотя и зыркнул неодобрительно и деньги потребовал наперед.

Стоя на морозе и вьюге, он яростно рылся в каманах, отыскивая бумажник. Сердито ткнул деньги в ладонь шоферу. Долго вытряхивал из

одежды и ботинок снег и лишь затем прошел в хвост салона, где диванчиком соединились четыре сиденья. Поставил возле ног почти пустую сумку.

Идиллия. Наконец. За окнами ничего не видно. Плотные стекла надежно отгородили от засыпанного серым снегом постылого городишки. Впереди звездочками мерцает экран маленького дорожного телевизора. Мягко, тепло, пахнет шоколадом, духами и мандаринами.

Уголок уютной Европы в почти сибирском холоде провинциального захолустья.

Один за другим возвращаются в автобус пассажиры. Впереди, окинув нового попутчика прокурорским взглядом, уселась упитанная дама в длинной, почти до пят, черной шубе. На ее высокую иссиня-черную прическу, в тон шубы, пошло краски и лака для волос по полкилограмма, не меньше.

А с другой стороны от прохода, немного дальше от него устроилась очень симпатичная девушка в коротенькой светлой дубленке. Сняла белый беретик и, резко тряхнув головой, от чего примятые беретом волосы пышной волной обволокли плечи, принялась священнодействовать расческой. Какие у нее длинные, светлые, шелковистые волосы! Такие должны пахнуть летним лугом... Или солнечным пляжем.

Он наблюдал за этими проявлениями обычной

жизни, словно фильм из заморского быта смотрел.

Интересно, что сейчас носит Леся? Такой же беретик? Дубленку? Леся... Где ее искать?

Ударила металлическими молоточками легкая прозрачная мелодия знакомой с детства «Ночной серенады» Моцарта — и смолкла. Только пара тактов.

Пани в мехах приставила к уху крохотный мобильничек:

— Да. Да... Думаю, часа через полтора... Конечно, встречай. Как договорились. Ну, все. Целую.

Какие теперь интересные телефончики... Не то, что когда-то у Свинаруенко — у того больше на милицейскую рацию походил... А он-то гордился своим приобретением! Наверное, тоже теперь тешится таким же малюсеньким. А ногти у этой павы — длинные, блестящие... Неужели настоящие? Как же она умудрилась отрастить такие? Это же, чтоб не поломать, надо сидеть, пальцы растопырив! Неужели она ими хоть что-то делает?

Расхлябанно пошатываясь и держа руки в карманах, постоял в проходе чахлый парнишка в обвислой куртке и темных очках. Вот чудак, здесь и так темно! Плюхнулся позади девушки. Что-то энергично жевал, под длинными волосами ритмично двигались уши. Левое, обращенное к

Борису, украшала едва приметная дырочка — этот чувак еще и сережку иногда носит! Что-то более отвратительное для мужчины и вообразить трудно...

Мотор заурчал сильнее, уютная маршрутка мягко покатила по шоссе, покрытому едва заметной прозрачной корочкой льда. Ожил подвешенный под низким потолком телевизор. Фильм пошел с середины. Какая-то бестолковая американская комедия: «Куда ты собрался, Билл? — Не суйся в мои дела! — Что?! Я уже не имею права? — О правах пусть тебе полисмен расскажет! — Ну-ка, стой! Стой, кому говорю! — Вжжж! Жжжуу! Трах! Бах! — Ты заплатишь мне, негодяй!»

Заплатишь. Единственное умное слово в этом дурацком фильме. Кто-то должен заплатить. Обязательно.

Конкретный негодяй. В конкретном небольшом городке, мимо которого через пару часов будет проезжать этот симпатичный автобус.

Кто-то очень долго ждал расплаты.

И расплата приближалась со скоростью этой теплой благополучной маршрутки. Надо вернуть свое. Выстраданное. Желанное и праведное. Хотя и незаконное.

Он ехал получить должок. Он, Борис Тур. Жалкий хмурый изгой этого жестокого

несправедливого мира. Злой парень с безжалостным гвоздем в груди.

Унитаз говорит по-французски

— Дорогуша, тебе что, нехорошо? — Кирилл Иванович Ярыжский, успешный и довольно известный бизнесмен, в конце концов добрался-таки до своего недавно приобретенного дома, уселся в кресло и, всем нутром настраиваясь на отдых, раскинул за подлокотниками руки. — Какие могут быть призраки? В наше-то время? Опомнись!

Ольга Владимировна надула губки. Совсем и не обиженно, на мужа она не обижалась никогда. Но продолжала настаивать:

— Я не хотела беспокоить тебя из-за каких-то пустяков, но... Это уже сверх моего понимания, поверь. И не первый раз. Я тоже начинаю бояться.

— Чего? — Ярыжский говорил утомленно, опустив веки так, будто не хотел смотреть на жену, нависшую над ним исключительно симпатичной, но уже немного надоедливой тучкой в начале ясно-приятного вечера. — Чего вам бояться?

— Я испытываю какой-то непонятный, мистический ужас. Не смотри на меня так. Поверь, сначала я сама смеялась над Надей, думала: это у нее нервы. Но когда услышала... Я всю ночь

заснуть не могла!

— Это все твои дурехи малограмотные...
Насочиняли черт знает чего, а ты веришь.

— Милый мой, у Нади высшее педагогическое образование.

— Значит, дорогуша, она дуреха с высшим педагогическим образованием.

Дуреха с высшим педагогическим образованием как раз в этот момент вошла в зал, толкая впереди себя столик-поднос на колесиках. Запахло коньяком, хорошим кофе, ароматными копченостями. Кирилл Иванович еще в прихожей велел чего-нибудь принести — перекусить с дороги именно здесь, в домашнем кинотеатре на первом этаже. Он сразу оживился, отложил в сторону пульт дистанционного управления, выпрямился в кресле и удовлетворенно потер руки:

— Надя, каких это призраков ты здесь видала?

Прислуга с педагогическим образованием
Надя Щукина смущенно поправила фартушек:

— Я... Ольга Владимировна, не надо было рассказывать...

— Ты не крути, а отвечай. — Ярыжский быстро опрокинул в рот рюмочку коньяку и теперь вкусно жевал балык. — Ты... м-м-м... Прямо говори... м-м-м... Что видала...

— Я не видала, я только слышала.

— Ну?

— Ночью в туалете на втором этаже, там, где ваш кабинет, кто-то спустил воду. Тогда я была в доме одна. Я пошла наверх: вода как-то странно шумела, будто булькала. — Рассказывая, Надя постепенно переходила к выразительным учительским интонациям, а Кирилл Иванович только время от времени удовлетворенно мычал. Его жена села рядом, на диван, и теперь, слушая Щукину, они оба напоминали учеников: распущенного лентяя, почему-то одетого в приличный костюм, и внимательную отличницу, только по недоразумению наряженную в легкомысленный шелковый халатик.

— Мне слышались какие-то слова, но я не разобрала, какие именно. Никого в доме не было. Я позвонила охраннику, но он сказал, что никого не видел. Потом два дня все было тихо, а перед приходом Ольги Владимировны — снова: шум воды, потом бульканье. Я обошла весь дом, проверила все укромные места, даже подвал, — абсолютно никого! Когда закончила обход — наверху снова кто-то спустил воду. И бульканье — такое же. Будто кто-то говорит. Непонятно. Неразборчиво.

— Я тоже слышала! — всплеснула руками госпожа Ярыжская. — И вчера, и позавчера!

— М-м-м... И что же оно булькало?

— Как это — что?

— Ну, слова какие? М-м-м... Хоть что-то?

Ольга Владимировна шумно выдохнула:

— Не знаю... Мне показалось — по-французски...

Ярыжский хохотнул с полным ртом, но женщины не обратили на его сарказм никакого внимания и не обиделись.

— А мне — так будто по-английски, — прибавила Надя.

— Интересно. М-м-м... Очень интересно... Значит, итальянский унитаз разговаривает... М-м-м... По-английски... И по-французски... Это исключительно интересно... Голос какой?

— То есть как это — голос какой?

— Ну... Мужской или женский?

— Нечеловеческий! Нечеловеческий голос! Понимаешь? — всплеснула руками супруга.

Теперь он захохотал на всю комнату:

— А вы хотели, чтобы он по-человечески разговаривал? Хе-хе-хе! Ох, бабы! Может, итальянцы там работа встроили, а? Для развлечения клиентов. Может такое быть? А?

Ярыжская резко встала. Высокая, черноволосая, вся в несерьезных красно-зеленых рюшечках дорогого импортного халатика, но такая соблазнительная, просто sexу:

— Ты надо мной издеваешься?

— С чего бы это, моя дорогая? Анализирую

ваши рассказы. Похоже, нужно будет наш бар запереть. От вас обеих.

— Тимофеевна тоже кое-что подметила. Не только мы.

— И что же? М-м-м...

— Кто-то ночью ходил в грязных ботинках. По всему дому.

— Ну?

— Она заметила следы, когда прибирала.

— Понятно. — Насытившись, Кирилл Иванович вытер губы салфеткой. — Она переработала и хочет прибавки. Алинка тоже видела грязные ботинки?

— Нет, в последнее время она прибирала только наверху, в левом крыле. И Тимофеевна ботинок не видела, видела только следы. В основном, на лестнице.

— А ты, Надя, следы видела?

— Нет. Тимофеевна говорит, что сразу все и прибрала.

— Скажите ей, чтобы в следующий раз позвала взглянуть.

— Уже сказала, следы она видела только один раз.

— Вещи-то хоть все целы? Кто-то, понимаешь, ходит тут, как у себя дома...

— Насчет этого не волнуйся, все на месте, — заверила Ольга Владимировна. — Нигде ничего не

пропало.

— А охрана, значит, в это время спала?

— С улицы в дом точно никто войти не мог, — заступилась за молодых сторожей Надя Щукина. — В последние дни часто снег шел, во дворе никаких следов не было, только наши. Все двери я лично запирала, и потом еще раз проверила.

Ярыжский подобрел:

— А между прочим, сантехника вы не вызвали? Нашего. Может, тот хваленый итальянский унитаз еще и протекает? А?

Но Ольга Владимировна была настроена до конца поддерживать мистическую версию непонятных происшествий:

— Поверь, нечего иронизировать. Техника работает отлично. Большею частью. Днем. Сантехник не виноват, это дом... Здесь что-то нехорошее. Старые дома, поверь, всегда несут на себе отпечаток жизни бывших хозяев. Их ауру, их... Ну, не знаю. Можешь смеяться, но и академики признают, что иногда астральные тела существуют отдельно от людей. И тогда возможны любые фантастические явления. Надя, скажи ты.

Надежда взялась за ручку передвижного столика:

— Я никогда в такие вещи не верила. Но и нормальных объяснений найти не могу. Все это нелогично и нерационально. Тимофеевна говорит:

призраки. Здесь и при немцах что-то такое видели и слышали. Призраки оккупантов перебились.

— Точно — призраки?

— Не знаю. Может, и партизаны.

Ярыжский засунул мизинец в левое ухо и энергично там почесал.

— Сантехник был?

— Сегодня утром, — выдохнула Ольга Владимировна.

— И вчера, и позавчера, — добавила Щукина.

— И что?

— Ничего, все исправно. Мы вместе проверяли: к Семенычу претензий нет.

— А другие унитазаы? Они ж все от одной фирмы.

— Другие работают, как часы.

— Как часы, хе-хе, — Ярыжский встал и похлопал себя по добротному животу:

— Ну, хорошо. Я теперь дома чаще буду бывать, по крайней мере, ночевать обязательно постараюсь. Может, тоже что-то услышу. На итальянском, хе-хе.

В этот момент на втором этаже громыкнуло.

Кирилл Иванович первым выскочил из зала и бросился наверх, больно стукнувшись коленом о большой низкий стол и едва не перевернув столик на колесах. Еще на лестнице услышал: кто-то спускает воду. В его личном туалете! Куда войти можно только через кабинет!

Влетел туда запыхавшийся, сердитый.

Никого.

Спрятанный в бордовокафельной стене бачок с шумом наполнялся водой. В долгом бульканье время от времени довольно явственно можно было разобрать отдельные слова: «...шой вред... преступни... государ...»

— Ну, что я говорила! — победоносно появилась за его спиной Ольга Владимировна. — Посмотри в библиотеке — стул упал. И лежит. И никого! Ну? Понял теперь?

Муж отстранил ее с дороги одной рукой, будто неодушевленный предмет, и решительным шагом направился в домашнюю библиотеку, расположенную рядом, за стеной кабинета.

Стул лежал прямо на проходе, будто кто-то уронил его в спешке. Замечательный стул, новый, с обитой шелком овальной спинкой и гнутыми ножками. Сделанный на заказ по чертежам модного дизайнера. В стиле ампир.

Хозяин обвел помещение бешеным взглядом:

— Ну... Стерва! Попадись только! Капец будет! На хрена мне это надо!

И полез в карман за телефоном — вызывать охранника.

Пока он, торопливо маршируя по лестницам и комнатам и визуальнo обследуя их, по мобильному приказывал сторожу еще раз обойти вокруг дома и

осмотреть следы, экономка подняла и поставила на место стул. Подровняла несколько книг, корешки которых небрежно высунулись из аккуратного строя. Сняла с большого декоративного глобуса криво прилепленный кем-то бледно-зеленый стикер. На нем небрежным почерком было написано: *«Мир огромен, но ты не спрячешься нигде»*. Надя сравнила листочек с теми, что, склеенные между собой, лежали возле компьютера: да, отсюда. И, похоже, писали этой ручкой, которую забыли вернуть в подставку. Она спрятала стикер в карман фартука и задумалась. Потом медленно вышла в зал и неторопливо стала спускаться к кухне.

Ярыжский уже закончил свой торопливый обход и, остановившись в столовой, тихо спросил вошедшую следом супругу:

— Ты уверена, что это не шуточки кого-то из obsługi?

Она развела руками:

— Но никого ж поблизости не было.

— А Алинка где?

— Я ее сегодня пораньше отпустила. У ее какого-то приятеля день рождения.

— Ты приглядывай за ними... Не нравится мне все это.

— А мне больше, чем не нравится. Мне страшно.

За окном громко и зловеще каркнула ворона. Упал с ветки большой комок тяжелого мокрого снега. Но заметила это лишь Надя Щукина, выглянувшая из окна огромной кухни, набитой новейшей бытовой техникой. Она рассеянно сказала Тимофеевне, отдохавшей за чаем после праведных уборщичьих трудов:

— Первый раз сегодня днем...

— Чего?

— Сегодня это случилось днем. С унитазом.

— Говорила я: драпать отсюда нужно. И не оглядываться!

— Куда? — Щукина отошла от окна и начала мыть тарелочки и чашку.

— А где платят хоть и меньше, зато жизнь спокойнее. — Старуха Тимофеевна широко расставила гудящие от усталости ноги и не спешила идти домой.

— Карр! — громко согласилась с ней ворона за окном.

— Карр! Карр! — отозвались с разных сторон ее сородичи.

Надя вздохнула:

— Мне дочь учить надо... Сама знаешь, за каждую копейку воевать приходится.

Вороны взлетели дружной шумной стаей и закружили над парком, зловещее карканье наполнило дрожью холодный зимний воздух.

Удивительный дом

Ольга Владимировна Ярыжская, женщина разумная, просвещенная и выдавшая виды, в прошлом — экскурсовод, потом директор музея, не ошибалась. Старый дом, который они с мужем приобрели совсем недавно и уже заканчивали ремонтировать, нес на себе клеймо таинственности с самого начала своего существования.

В связи с тем, что дом, точнее, особняк, — будет одним из главных героев нашего повествования о страшных и трагических событиях, сначала познакомимся с ним в пределах основных анкетных данных.

Видовое название — неопределенное. По документам — особняк, но называют его все по-разному. Чаще всего — просто дом, иногда — вилла, а то и дворец. Все эти названия к данному строению подходят. Сидят, как влитые.

Год рождения — еще одна загадка. Фундамент заложен еще то ли в XVII, то ли в XVIII веке. Дом на нем стоял в полной сохранности до начала XX столетия. Полностью перестроен на том же месте и снова сдан в эксплуатацию в 1914 году.

Происхождение — невыясненное. Последние дореволюционные владельцы — помещики Барвиненко — известные сахарозаводчики,

коллекционеры и меценаты. Люди неординарные, энергичные и даже по-своему загадочные. Гордились козацким происхождением, а жен брали исключительно из родовитых великороссов. Щеголяли научным мировоззрением, но денег на возведение храмов не жалели. Обожали высокое искусство, любили приглашать к себе артистов и художников, но большую часть своей энергии направляли на приумножение и без того огромного состояния.

Предназначение — свадебный подарок младшей дочери. Которая так и не стала полновластной хозяйкой этого дворца.

Окружение — старинный лиственный парк, по неведомым причинам вырубленный в первые годы XX века и засаженный хвойными деревьями редких, экзотических пород.

Создатель проекта — прославленный архитектор Владислав Городецкий, непосредственный исполнитель — его ученик и по стечению обстоятельств — жених хозяйской дочери Григорий Василай, человек происхождения темного и незнатного. Чертежи, документы — не сохранились.

Итак, перестроили дом (дворец, особняк, виллу) в начале XX века. Но уже с самого новоселья жизнь здесь не заладилась. Загадочные несчастья и кровавые драмы преследовали сначала

хозяев дома, а потом и руководителей учебного заведения, которое разместилось в этих стенах в первые годы советской власти. После войны в дивом уцелевшем дворце устроили сначала санаторий, который из года в год постепенно приходил в упадок, а потом — краеведческий музей, почти не известный за пределами небольшого района.

Все изменилось, как от взмаха волшебной палочки, когда из рук вялого восьмидесятилетнего старца директорская власть перешла к жене новоприбывшего бизнесмена Ярыжского. Она вмиг на основании безоговорочных цифр и фактов, с документами в руках доказала местным властям, что содержать неизвестно для чего за счет государственного бюджета такое большое сооружение — невыгодно, и в считанные дни приватизировала дом. Цена, заплаченная за него в бюджет, осталась для всех жителей городка тайной за семью печатями.

И уже после этой скоропостижной продажи у жителей райцентра будто глаза вдруг открылись: да это же неповторимый, уникальный дворец! Ведь построили его по проекту знаменитейшего архитектора Городецкого, да и репрессированные бывшие владельцы, как теперь выяснилось, были гордостью нации, потомками старинного казацкого рода, в придачу еще и учеными, чей вклад в

отечественную и мировую науку раньше бессовестно замалчивался.

Да и признайтесь, где вы еще увидите дом, так смело спроектированный и украшенный? Основной корпус — двухэтажный, а с обеих сторон от входа его окружают, будто крылья чайки, многооконные пристройки, делаая рельефный фасад чрезвычайно выпуклым и выразительным. Симметрию, соблюденную во всем с античной точностью, нарушает островерхая башенка со шпилем, неожиданно очутившаяся на крыше по правую сторону от центрального входа. А высокие и узкие окна! А причудливые узоры и зубчатое обрамление стен! А мозаичный пол зала на первом этаже! Кое-кто из специалистов говорил, что этой замысловатой вязью зашифрованы древние мусульманские письма. А роскошная мраморно-чугунная лестница в середине! Кружева — да и только! Шедевр эпохи модерна!

Конечно, за долгие годы бесхозяйственности куда-то бесследно сгинули не только бронзовые светильники (с самого начала здесь было электрическое освещение), но и декорировавшие печи поливная керамика и майоликовая плитка. Зато на лестнице внутри здания хорошо сохранился крымский мрамор. И эффектные оконные рамы, и даже каменная арка при въезде, и чугунная ограда вокруг парка — местами.

Дом не просто удачно вписался в окружающий ландшафт, он был и остался самым необходимым элементом гармоничной картины всего района. Сельскохозяйственного, вся промышленность которого сконцентрировалась в Барвинковцах — сахарный и молочный заводики, мясоперерабатывающий комбинат. Недавно сюда пришел и новый бизнес в лице Ярыжского. Он заправлял теперь мясными делами и весьма пристально интересовался делами сахарными и молочными, уже почти организовал за городом, в старых конюшнях, розлив столовой воды в пластиковые бутылки.

Местные колодцы всегда славились своей чистой водой. А те, что поближе к описываемому дому, — еще и целебной. Недаром в старые времена ею интересовались известнейшие врачи. И не только они.

Старожилы рассказывали, что в доме Барвиненко успели погостить да попить замечательной водички и поэтесса Леся Украинка, и артистка Мария Заньковецкая, и художник Мурашко, и академики Чижевский, Вернадский и Крымский, что здесь звучали волшебные голоса Соломии Крушельницкой и Анастасии Вяльцевой. Конечно, это скорее всего легенда, потому что Леся Украинка, как известно, умерла в год начала капитальной перестройки этого дома, но дыма без

огня не бывает, известные люди не объезжали Барвинковцы стороной. По крайней мере, групповой портрет семьи Барвиненко, написанный кистью неповторимого и еще до конца не разгаданного Мурашко, сохранился и до сих пор украшает зал на втором этаже вместе со многими другими картинами, стоимость которых определяла комиссия, почти три дня пьянствовавшая за счет Ярыжского. И, конечно же, вынесла вердикт, что ни художественной, ни исторической ценности они не имеют.

И разве не чудо, что во всех войнах, революциях и других бурных событиях уцелела богатейшая музейная библиотека, состоящая большей частью из огромных старинных книг в кожаных переплетах с серебряным и золотым тиснением, которые знатоки называют фолиантами? Это вам не покетбуки для чтения в тесноте городского общественного транспорта! Представьте только: ностальгический зимний вечер, вы берете обеими руками (обеими, иначе не поднять!) увесистый том, с пожелтевшими страницами, с ископаемым ятем в словах, садитесь в мягкое кресло возле камина, зажигаете свечи... Ну, пусть и не свечи, просто придвигаете поближе торшер — так даже лучше, и погружаетесь в милый невозвратный мир. Выключенный телевизор не напоминает о мерцании быстротечных событий,

время течет медленно, спокойно, оно над вами почти не властно, наоборот: это вы стали властителями времени — перенеслись в иную эпоху и будете пребывать там, сколько захотите сами.

Однако согласитесь: такие заманчивые перспективы — не для толпы шумных бестактных посетителей музея, а для благородных и культурных хозяев шикарного дворца. Дом должен иметь именно таких хозяев.

И вот они появились.

Окруженные охраной и прислугой. Правда, только что нанятой и ненадежной. Это вам не старинный английский замок, где почти не бывает случайных людей. Тут все — случайные и подозрительные.

На пепелище

Восемь вечера зимой — это уже самая настоящая ночь. В особенности в провинциальном городке, где давно и прочно забыли, что такое уличное освещение. Да и существовало ли оно когда-нибудь?

Ветер, вьюга, тьма. Одинокие темные фигуры — все спешат куда-то в боковые улочки.

Однако Борис Тур и тут не растерялся — он знал, куда идти. И шел, бодро поскрипывая свежим снегом.

Но вдруг замер на месте. Сквозь мерцание мелкой метели разглядел: что-то не так со Свиноаренкиным продуктовым магазином. Ни огонька, ни искорки, и даже крылечко превратилось в сугроб.

Он не поленился перейти на противоположную сторону улицы, подойти ближе. Окна без стекол, покрытые сажей стены. Когда же магазин сгорел? Судя по запаху — не так, чтоб уж очень давно. И не дотла, вполне можно отремонтировать.

Борис заторопился в центр, к знакомому универмагу. Увидел издали — еще работает. Однако, едва переступив порог, услышал грозное предупреждение визгливого голоса:

— Назад! Назад! Мы уже закрываемся!

Молодая девушка, новенькая, Боря видел ее впервые.

Прошел мимо, тихонько буркнув:

— Я быстро.

В нос сразу же ностальгически ударил неистребимый запах пряностей. Интерьер внутри почти не изменился, а вот ассортимент товаров значительно расширился. Похоже, и качество также. Поменяли местами отделы. У продавщиц — новые одинаковые халаты с белыми воротничками. Атласные, темно-зеленые.

— Боря? Борис, это ты? Господи!

Засмотрелся на халат и не узнал было Тосю Шишлянникову, женщину младшего бальзаковского возраста, но внешне еще даже очень ничего — по провинциальным меркам.

— Боже, глазам своим не верю!

Тур скривился:

— Что, вроде призрака из могилы?

— Н-нет. Просто не ожидала. — Тося наконец приветливо улыбнулась. И по-матерински вздохнула: — Тебя отпустили или сбежал?

— А вы как думаете, тетя Тося? А?

— Я не думаю, я просто рада тебя видеть.

Она ловко протиснулась между двумя витринами-холодильниками — с колбасой и молочными продуктами:

— Дай-ка я обниму тебя, бандита...

Расчувствовавшийся Боря обнялся с Шишлянниковой. Потом она окинула взглядом его более чем скромную экипировку:

— Ты насовсем — или как?

— Или как. Тянет преступника на место преступления. — Борис обрадовался бывшей сотруднице, будто родню встретил. Но добавил сурово: — Короче, дело есть к Свинаренке. Кирилле Ивановичу.

— А его и след простыл! — Знакомо пробасил мощный и сильный голос. Это подошла и Глафира Петровна, ветеран советской торговли, массивная,

крепкая и непоколебимая, настоящий монумент за прилавком. — Мы все так сразу и поняли, что он тебя подставил, Борька. Чтоб такой парень — и воровал? А он — свинюка еще та. Убедились на личном примере. Все — и на все сто! Процентом.

— И где ж он сейчас?

— Уехал! Только и видели!

— А бизнес? У него ж тут не один магазин был.

— Распродал.

Тося не могла допустить, чтобы главные новости сообщил кто-то другой и решительно добавила:

— Распродал вообще все. Дочиста. Сразу после того, как тебя засадил. И универмаг этот, и кооператив, и магазины — все продал. Говорил, ты ему все дела подорвал, разорил вконец. Тот еще брехун! Как теперь открылось, он нигде не продешевил. А нам зарплату за полгода так никто и не вернул. Чтоб ему пусто было!

— И куда ж он подался?

— Нам не докладывал. Уехал — и концы в воду, сам знаешь, — Тося Шишлянникова ехидно улыбнулась и хмыкнула, словно получала удовольствие, сообщая плохие новости.

Борис помрачнел:

— Может, хоть кто-то знает?

— Кто-то, может, и знает, да молчит.

— Молчать-то себе дороже, то есть я хотела сказать...

— Вот именно, промолчишь — целее будешь.

— Сам знаешь, у нас городок маленький, если трое знают, то знает и свинья. Я не Свиноаренко имела в виду, конечно, а всех вообще.

Женщины говорили чуть не одновременно. Боря грубовато перебил:

— А тот магазинчик, что напротив районной аптеки, он давно сгорел?

— А, продуктовый! Да нет, с месяц, не больше. Его же Луцик-младший купил. И все не везет ему, бедолаге: то в аварию попал, то обворовали, теперь вот — поджог.

— Он бы меньше за чужими женами бегал!

— А ты, Тоська, не смешивай все в кучу. Одно дело — бизнес, а личная жизнь — это другое.

Шишлянникова лишь выразительно хмыкнула.

Сбоку донесся пронзительный голос молодой продавщицы, которую Борис встретил еще на пороге:

— Скупайтесь скорее, закрываем уже! Некогда харчами перебирать!

Ей ответил наглый фальцет:

— Расслабься, зайка, и не спеши. А то споткнешься! — это был попутчик Бориса из автобуса, чахлый парнишка, даже вечером не

снявший темных очков. Снова жевал, а в ушах ритмично покачивались наушнички от плеера. И наглости еще прибавилось:

— Из чего тут у вас выбирать? Два сорта сыра, три — колбасы? Да и те — позавчерашние?

— Не нравится — не берите! — бойко парировала молодая продавщица.

— Ты, красавица, еще с отделом защиты прав потребителей дела не имела? Устрою. Кстати, разговор наш записываю, — ехидно улыбаясь, он показал рукой на свой плеер.

— Анька, не дури, — не выдержала Тося, — обслужи молодого человека, как следует!

— Да улыбнись и глазки сострой, — прогудела, не двигаясь с места, Глафира Петровна, — будешь парням грубить — навеки в девках останешься!

Боря Тур почесал подбородок:

— Ладно, бывайте. И правда, уже закрывать пора.

— Куда ж ты теперь?

— Пойду, знакомых проведаю.

— Стой, если ты к Леське...

— Я знаю, что ее здесь нет.

— А куда подалась, знаешь? — вкрадчиво спросила Глафира Петровна.

— На заработки?

— Да уж, заработки там — не

позавидуешь. — Тося поджала губы, а ее коллега прямо вскипела от праведного гнева:

— В бордель их всех наш Свинарченко упек! Всем ансамблем! Петь да танцевать, говорит, в Турцию поедете. А там их всех в бордель и отправили! — Глафире Петровне явно нравилось четко выговаривать это манящее нездешней жутью слово — «бордель». Тур оцепенело молчал, и она перешла к аргументации: — Анжелка Ляшенчихина сбежала по дороге — такое рассказывала, такое, что — ну!

— Да уж, — подхватила Тося, — паспорт #225; у них сразу за границей отобрали, как только таможду проехали. Клиентов, говорят, будете обслуживать! Сами понимаете — как. А кто откажется — секир башка! И концы — в воду! Вот как она рассказывала.

— А где она сейчас?

— Анжела? В область перебралась, конечно. И родители за нею собираются. Кто ж здесь будет оставаться, если каждый в нее пальцем тычет? А девушка-то и не виновата.

— Ой, не говорите мне про невинность! — с едкой иронией покачала головой Тося. — Она, что, газет не читала? Не знала, зачем в Турции наши девки нужны?

— Здрасьте! Их же петь приглашали. И танцевать.

— А они уши-то и развесили! Как же, нужны там такие артистки! Не понятно что ли, там же танцовщицами проституток называют.

Борис почувствовал, как у него под шапкой зашевелились коротко остриженные волосы. Он прочистил горло и спросил по-зековски хрипловато:

— И что? С Лесей? Где она?

— Кто ж знает? Поехала — и нету. У других девчат и родители есть, а найти не могут. И в суд подавали, и в милицию обращались. Ищут! А она сиротой осталась, кто ж ее искал бы?

— В борделе? — голос Бори Тура стал таким хриплым, что женщины смолкли и опустили глаза.

— Все, закрыто! Нечего уже! — надрывалась у входа пронзительная молодуха. — Завтра! Нам сегодня еще кассу сдавать!

...Опомнился Борис уже на улице.

Он давно подозревал, что с Лесей что-то не так. Когда она внезапно писать перестала. Но бордель... Турция... Ну и подлец же Свиноаренко! Всех киданул, со всех сторон... подлец...

Ноги механически шагали вперед, в сторону улочки, грезившейся в каждом тюремном сне. Снег кружил перед глазами. Мерещились Лесины глаза в белой кисее паранджи. Тю, паранджа черная!

Черная.

Чернеют окна знакомого дома, закрытые

покосившимися ставнями.

Двор замело снегом — ни тропинки, ни следа.
А он на что надеялся?

Повернул к единственной в городке гостинице и чуть не столкнулся с монументальной теткой Глафирой.

— Я так и знала, что сюда пойдешь. Слушай меня, — она приблизила свое лицо вплотную к его уху и зашептала: — Конечно, мое дело — десятое, но говорят, что Свиначенко теперь в Барвинковцах, чуть не полрайона там скупил...

— Барвинковцы? Где это?

Она прошептала несколько слов ему в самое ухо и прибавила погромче:

— Ты ж смотри там, остороженько. Семка Разгильдяй ездил, хотел про свою Галю узнать, вернулся сам не свой. Это страшные люди! Смотри! Он там в большой силе, авторитетным человеком стал. Берегись! Но запомни: я тебе ничего не говорила. Ну, бывай! Счастливо! — И исчезла во тьме, растворилась, как призрак.

Холодный безлюдный переулочек. Покинутый дом.

Будто весь этот разговор приснился.

Захотелось упасть. Лечь. Отдохнуть... И он отправился искать ночлег.

В тесном вестибюле провинциальной гостиницы снова натолкнулся на того низкорослого

кошейчика бессмертного из автобуса, и снова этот фрукт в черных очках. На этот раз он стоял, прислонившись худосочной спиной к стене и набирал номер на крошечной мобилке. Через несколько секунд, не стыдясь дежурной и двух других постояльцев, начал подростковым фальцетом:

— Привет, это я... Как это — кто? Крис... Это не голос изменился, это здесь эхо такое, мешают... Ну, Валь, не обижайся... Может, сбой связи из-за погодных условий... Откуда я знаю? Что? На что ты намекаешь, Витрувий недорезанный? Да шутка это, чего ты? Невинная, без намеков... Ну, ты ж у нас и Витрувий, и Корбюзье в одном лице... Тебе лучше знать... Нет, утром начну... Ну, бонжур, покедова... Цитата это, без намеков. Все.

Маленький, плюгавый, и уже «мобилизованный», и уже какую-то там Валю своим противным дискантом поучает...

Тур чуть не плюнул с досады и отвернулся, ища глазами администратора. Нужно заполнить карточку на поселение, что ли?

Темно и глухо. И здесь тоже. Как везде.

И гвоздь в груди разросся до размеров большого ножа. А может, и бетонной сваи. Мужчина в таком состоянии — лишь оболочка, кобура для оружия. Он становится непредсказуемым и опасным. Даже для себя самого.

Пахло елкой и духами

— Неудачный был этот год, с самой весны неудачный, — неожиданно вздохнула Мария. — Я рада, что он уже заканчивается.

На ее лицо наискосок падал розовый свет от шелкового абажура, а хрупкие пальчики быстро бегали по черно-белым клавишам. Нежными капельками звенел рояль. «Времена года» Чайковского. Прекрасная музыка, уютная гостиная, соблазнительные тонкие руки, прикрытые пышными рукавами! Глядя на нее, Антону хотелось смеяться и подпевать — просто, радостно, без слов.

Но Вера тоже вздохнула:

— Нет, Манечка, началось все еще на Святки. Когда Виталий погиб... Так внезапно и бессмысленно...

Они выглядели почти, как на картине — той, которую написал знаменитый Мурашко. Только сейчас играла одна Мария, бледная и осунувшаяся, особенно это было заметно в сравнении с тем замечательным портретом. А Вера просто сидела рядом и смотрела на ее тонкие ловкие руки.

В печке, покрытой изразцовым кафелем, уютно потрескивали сосновые дрова. Было безветренно, и за окнами нескончаемыми полками падали густые хлопья снега.

Поручик Антон Болгаков, которого здесь звали просто Тошиком, их дальний родственник и

одноклассник старшего брата Ивана, лениво роскошествовал на оббитом мягким бархатом диване. Прослужив почти три года в беспокойном Уссурийском крае, он наслаждался теперь домашним уютom и детскими воспоминаниями предновогоднего вечера. Ему было так спокойно и мирно на сердце, так радостно ощущать себя снова дома, в кругу родных, и он собирался сказать что-то мирное, домашнее, например: «Боже, как чудесно, что я застал вас здесь, в Киеве». Или: «Жаль, что Вани до сих пор нет», — но, услышав последнюю фразу девушки, спросил:

— О каком Виталии речь? Из Барвинковцев? Которого выгнали из реального училища?

— О нем самом... Только о мертвых — или хорошее, или...

Антон из писем знал многое, но писали ему чаще не сестры Барвиненко, а другие люди, поэтому он решил слукавить, ему хотелось услышать обо всем еще раз, именно от них, и он спросил:

— И как же внезапно и бессмысленно он погиб, Виталий?

Маня перестала играть, и сразу слышнее и отчетливее стало тиканье часов, и осязтимее волны истомного тепла от печи, и неповторимый аромат елки, вина и женских духов.

Она еще раз не по-новогоднему вздохнула и промолвила печально:

— Сначала он безобразно напился и обидел Верусю.

— Да, — быстро прибавила Вера. — Я сначала

очень обиделась, даже не захотела ехать с колядниками. А потом, когда узнала, что он... Он упал из саней, прямо под полозья, и следующая тройка добила беднягу копытами.

— А в конце зимы утонула его сестра. На наших глазах. Мы катались на коньках. На речке. Она отъехала дальше от нас и провалилась в прорубь. Сначала ее было видно, она пыталась схватиться за краешек льда. Потом руки соскользнули, и она ушла под воду. Пока мы добежали, ее затянуло течением под лед... — Маня машинально наматывала на пальцы свои длинные жемчужные бусы и смотрела отрешенным взглядом, будто снова видела ту темную воду, зловец плескавшуюся возле самых ног. В тени густых ресниц ее глаза казались чернее обычного. — Ты, наверное, об этом не знал, Гошик, но она очень нравилась нашему Ване. Он думал ее сватать...

— Это правда, что она эсеркой была?

— Лиза? Рэволюционэрка? — Маня улыбнулась и покачала головой. — Нет, просто она оригинальничала очень. Во всем. Поэтому и нашему папе не нравилась...

— И мне, и тебе тоже, — добавила Вера.

— Нет, я как раз к ней лучше всех относилась.

— Особенно к ее папироскам!

— Ну, это она просто артисткам подражала и поэтессам всяким.

— Да, строила из себя вторую Ермолову... Нет, Комиссаржевскую, это ж был ее кумир, ее икона...

— Не надо, Вера...

— Но Виталий-то уж точно социалист был, —

увел сестер от начинающегося спора Тошик.

— Он и не скрывал этого, — согласилась Вера.

— Или просто играл в социалиста, — не сдавалась Мария.

— А я слышал, что они оба были революционеры, только Виталий легальный был социалист, а Лиза — нелегальная...

— Лиза — подпольщица? Да она в жизни ни одного секрета не имела: у нее что в голове, то и на языке!

— Ты считаешь — это хорошо?

— Что хорошо? Не уметь держать язык за зубами? Только какое это имеет значение — что я думаю и как к ней относилась? Брату она очень нравилась.

— Они были совсем не пара. — Вера встала и подошла к окну. Зябко обняла себя за плечи. Модные пышные рукава стягивались чуть ниже локтя узкими кружевными манжетами. С шеи свисала длинная золотая цепочка с медальоном, раскрывающаяся крышечка его была заперта остроумным устройством, верно хранящим тайны владелицы. — Ветер начинается... Метет... И снег такой глубокий. Едва ли мы сегодня дождемся Ваню и Василяя.

— Кто такой Василий? — по-иезуитски хитро поинтересовался Антон.

— Я же говорила: жених Манечки.

— Ты говорила — Григорий.

Вера вышла на середину комнаты, ярко освещенную роскошной многосвечной люстрой, в

которой горел не обычный огонь, а только недавно появившееся в городах электричество:

— Это имя, а то — фамилия! Его зовут Григорий Василай. Григорий Георгиевич Василай. Его предки — выходцы из Бессарабии.

— А-а-а... Готовитесь к свадьбе и еще ропщете, что год был несчастливый. Потому и несчастливый, что ленились мне подробно обо всем писать.

— Не было настроения.

— Неужели?

— И времени тоже. Мы еще летом собирались свадьбу сыграть, но Маня весной так простыла, что все лето болела, и венчанье пришлось отложить. Зато теперь отгуляем! Как я хочу потанцевать на твоей свадьбе, Маняшка! — Вера закружилась по комнате, легко постукивая каблучками. Короткая модная юбка соблазнительно открывала и изящные туфельки, и точеные ножки. Наряды горожанок в XX веке стали такими кокетливо-продуманными, такими простодушно-демонстративными, что не только неискушенный поручик, но и умудренный опытом человек, созерцая их, легко мог прийти в восхитительное состояние минутной эйфорической влюбленности.

От Верушкиных резких движений заколебался воздух — слегка закачались легкие бумажные украшения на елке, заволновалась-заискрилась серебристая мишура гирлянд. Мария бравурно застучала по клавишам веселенькую польку. Она в такт кивала головой, и по спине прыгали воронье кудри.

— Давайте выключим электричество, зажжем свечи, так хочется чего-то таинственного, загадочного, как в страшной сказке. — Вера продолжала отбивать каблуками ритм — уже стоя на месте.

Антон замахал руками:

— Нет! Нет! Какие сказки? Самая замечательная — прямо передо мной. Я сто лет просидел в таежном полумраке! И тебя хочу получше рассмотреть.

— Смотри! Я вся тут! Рядом! — Девушка затанцевала прямо перед ним.

— М-м-м... — Потянул носом счастливый поручик-отпускник. — Что у тебя за духи, Верунчик? Какой новый аромат!

— Бедняга ты наш, бурят таежный! Как ты одичал в своей Сибири! Отстал от жизни ровно на три года. Это уже не новинка. Называются «Букет императрицы».

— Божественный букет!

— А я? Какой ты находишь меня? — Она продолжала кружить, обольстительно выделявая руками забавные восточные пасы. Маня все время поворачивала голову, чтобы смотреть на сестру. И играла все темпераментнее и веселее, будто тоже подсмеиваясь над молодым родственником.

— И ты — божественная! Довольно танцевать, искусительница, а то я в тебя влюблюсь! Навеки и бесповоротно!

— А ты и влюбись, Синяя Борода!

— Здравствуйте, ты ж не захочешь стать супругой бедного офицера и ехать со мной в тот Богом забытый гарнизон.

— А ты постарайся сделать побыстрее карьеру, и тогда мы поедem не в забытый Богом гарнизон, а в столицу.

— Ты ж всегда мечтала жить только в Барвинковцах. Или мне это только казалось?

— Когда-то мечтала, но теперь передумала. Там будут жить Маняша с Василяем. Он перестраивает наш старый дом. Полностью. Ты же знаешь, что он архитектор? Работает с самим Городецким! А наш старый дом преобразится! Это будет что-то необыкновенное — англо-готический фасад, арочные окна, выступы с острыми углами. Сам Владислав Городецкий спроектировал! Прямо замок из романа Вальтера Скотта! Нет, из страшного готического романа! Рано или поздно там обязательно появятся приведения.

— Ну что ты, Вера, не преувеличивай, — Маня не говорила, а почти припевала в такт мелодии бодрой польки, — обычный загородный дом...

— Не скромничай! Тошик, послушай, там такие интерьеры задуманы — настоящий модерн! Лестница округлой формы, перила ажурные, их уже заказали, такой причудливый узор — не подумаешь, что чугунные. Коричнево-желтые витражи. Свет сквозь них польется — медовый, янтарный, пушкинский... Там будет солнечно даже в пасмурную погоду.

— Вера, ты опять смеешься над нами? — тонкие

пальцы замедлили свой бег по клавишам, и мелодия стала обижено вальсовой.

— Нет, только восхищаюсь вашим будущим дворцом.

Поручик Болгаков заинтересовался:

— И когда же будет готов этот дивный дворец?

— Может, в конце года.

— Значит, наступает очень счастливый год! Год свадьбы и новоселья! — Антон вскочил и закружил Веру по комнате.

— Ах вы ж и проказники нетерпеливые! — Появился в дверях Игнатий Филиппович Барвиненко, отец веселящихся сестер, дядюшка поручика. Известный сахарозаводчик, богач и меценат. Мощный добродушный барин. — Уже скачете! Греховодники!

— Мы встречаем очень счастливый год! Ура!

Тошик с Верочкой так синхронно и сильно топнули, что с елки свалилось самое заметное украшение — табличка с золоченой и окруженной блестками надписью «С Новым 1914 годом!»

Леди удачи

Колеса вязли в снегу, то и дело соскальзывали в сторону. Ольга Ярыжская раздраженно и яростно старалась удержать машину точно в середине колеи. Почувствовала, что вспотела, шерстяная кофточка начала прилипать к спине, волосы ко лбу.

Выключила отопление. Снегу — почти по колено, третий день сыплет, но никто и не чешется хотя бы бульдозером прочистить дорогу. А еще в Европу влезть размечтались, бездельники! Лодыри и разгильдяи!

Попад в такт с «Венгерской мелодией», все убыстряясь лившейся из магнитофона, неудачно крутанула руль и въехала в глубокий сугроб. Натужно застонал мотор, колеса закрутились на месте, фонтаном полетел во все стороны грязный снег.

От досады она ударила с размаха кулаком по рулю и сразу оставила напрасные попытки самостоятельно выбраться из снежной западни. Не женское это дело — барахтаться на обочине. Сразу успокоилась и улыбнулась своему отражению в маленьком зеркале. Музыка становилась все стремительнее, все раскованнее, Ян Табачник не жалел клавиш своего «золотого аккордеона». Пани Ольга лениво откинулась на спинку и медленно достала из пачки сигарету. Но закурить не успела — впереди показалась ярко-красная машина.

Ольга набросила легкую короткую шубку и вышла из авто. Остановилась посреди дороги. Повернула голову к подъезжающему автомобилю и почти машинально, по своей кокетливой привычке, ослепительно улыбнулась. Природа наградила ее изумительно белыми зубами.

«Жигуль» затормозил почти рядом. Из него грузновато вылез статный и совсем еще не старый мужчина. В пушистом сером свитере и огромной волчьей шапке. Крепкий, быстроглазый, улыбчивый, она сразу окрестила его про себя — Жиголо. Он обратился первым:

— Что случилось? Нужна помощь?

Ольга давно привыкла к тому, что одно только ее присутствие вызывает во всех без исключения мужчинах приятное (для них и для нее) возбуждение. Ей не приходилось прилагать даже наименьших усилий, она просто всегда и всюду оставалась собой: до кончиков пальцев привлекательной, до невозможности сексуальной, до умопомрачения раскованной. Женщиной с большой буквы, женщиной «мечта каждого мужчины». Сапоги-ботфорты и короткая кожаная юбка открывали стройные крепкие ноги, намертво приклеивающие мужские взгляды. И будоражили фантазию даже самого закоренелого аскета. Она и на сантиметр не сдвинулась с места, но что-то подсознательное внутри нее потянулось навстречу спасателю всем существом, и восхитительнейшие ее приманки — пышная грудь и тончайшая талия — едва заметным движением привлекли к себе внимание, губки пухленько округлились:

— Слава Богу, что вы остановились! Это неблагоприятное создание засело в снегу и не хочет

везти свою хозяйку дальше.

Конечно же, водитель «Жигуленка» готов был не то что из сугроба, — из самой преисподней вытолкнуть обидчика такой очаровательной дамы. Вдвоем они начали толкать супостата, налегая ладонями на багажник. Из машины зазвучала знойная «Rio-Rita». Ярыжская ощутила охотничий азарт, ее суперэлегантные сапожки-чулки, которые так выразительно облегали икры, заскользили высокими каблуками по запорошенному снегом льду.

— Осторожно! Так и упасть недолго! — Он поддержал ее, ухватив чуть повыше локтя. И уже не отпускал.

Ольга подула вверх, выпятив нижнюю губку — сдувала с раскрасневшегося лица пряди взлохмаченных черных волос. Ее прическа всегда была исключительно аккуратной и изысканной, но одна прядка обязательно падала на лоб или висок. Знала, как это заводит мужчин. Недаром же ее бабка слыла цыганкой, кровь в ней всегда кипела. И зажигала на сто метров вокруг все, что ходило в брюках. И все женщины вмиг ощущали, что рядом с Ольгой Ярыжской им светит только жалкая роль статисток. Она, и только она — неизменный первый номер. А сильную половину человечества Ольга с одного взгляда безошибочно делила на две категории: тех, которые могут быть ее

любовниками, и тех, кто ни в коем случае не окажется в ее постели.

Этот, конечно, мог бы войти в первую категорию...

И он это сразу почувствовал.

И, наверное, их души могли бы зазвучать в унисон. Прямо здесь, на дороге. В машине, например, которая так любезно растворила навстречу дверцу. Но сзади затормозил обтрепанный «Газик-вездеход», на боках яркие эмблемы и надписи — «Милиция». Появился еще один кандидат в спасатели:

— Что здесь у вас? Засели? Может, попробуем вытянуть на тросе?

Худой, как щепка, в очках, и верхние зубы торчат по-беличьи. Испортил случайному дуэту всю музыку.

— О, госпожа Ярыжская! Добрый день!

Кто ж это такой? А-а, следовательно из райотдела, молодой и хваткий. Фамилия какая-то нерусская... то ли Кац, то ли Кинчев. По слухам, тот еще карьерист. Неуклюже, но вежливо отстранил госпожу Ольгу от багажника и начал энергично толкать вместе с симпатичным Жиголо.

Вдвоем они быстро вытолкнули Ольгину машину на более-менее приличную колею. Ей осталось только одарить обожженного ее дыханием привлекательного мужчину загадочной

полуулыбкой, бросить небрежное «благодарю» костлявому Холмсу местного разлива и нажать на газ.

Придерживая руль одной рукой, она прикурила, магнитофон откликнулся аккордеонным перебором ностальгической мелодии «Гроздьев акации», и приятное щекочущее желание согрело медленно и глубоко дышащую грудь.

Повторить приключение еще раз. С другим окончанием.

Хищно улыбнулась и резко крутанула руль. Свернула на обочину. Колеса послушно закрутились на месте, веселым фонтаном полетел врассыпную грязный снег. К пряному аккордеону добавились нежные мандолинно-гитарные переборы. Ольга спокойно сидела в остановившейся машине. Слушала музыку и курила.

Сзади показалось какое-то авто.

Шубки она не снимала и быстро вышла навстречу ветру, ободряющему морозному воздуху и своей неистойвой фортуне.

И снова раздосадовано плюнула — длинная коричневая сигарета тоненьким дротиком воткнулась в сугроб.

Возле нее уже тормозил любимец грунтовых дорог — когда-то белый, а теперь безнадежно посеревший «ПАЗик», битком набитый бывшими

колхозниками, возвращавшимися из областного центра с воскресного базара.

Помогать застрявшей в снегу даме вышли только двое — пожилой брюхатый шофер, который сразу же закурил вонючую папиросу, и плачевно, не по сезону одетый, но довольно симпатичный крепкий парень. Не говоря ни слова, он один и без малейшей натуги выпихнул легковушку на дорогу. Хмуро подмигнул ее озадаченной хозяйке:

— Ну вот, всего делов-то!

У него были мужественное молодое лицо и безоблачно-голубые глаза. Вязаная шапочка сползла набок, из-под нее выбились на лоб огненно-рыжие волосы. Даже совсем короткие, они отчаянно пытались закрутиться в локоны.

Но не зря старался знаменитый аккордеонист, добавляя к концертному танго что-то похожее на знойную «бессамемучу». Неожиданно для себя Ольга заблагоухала, раскрылась, как внезапно созревшая роза:

— Благодарю! Я так вам признательна, поверьте! Засела здесь, не знала, что и делать... Если бы не вы...

— Есть о чем говорить!

— Не скажите! Здесь такое месиво, чуть свернешь в сторону — и до ночи не выберешься. Я боюсь дальше ехать одна.

Водитель автобуса не спешил — все еще

курил, радуясь неожиданной возможности расслабиться — среди пассажиров обнаружилась горластая баба с ребенком, им, вишь, дым противопоказан врачами. Добродушно спросил у Ольги Владимировны:

— Далеко вам еще?

— В Барвинковцы.

— Доедете, чего там. Вон, возьмите этого малого, — он кивнул на рыжего парня и обратился к нему: — Ты ж до Барвинковцев билет брал?

Тот молча кивнул.

— О, это был бы замечательный выход! — Лепестки роковой женщины-розы зловеще завибрировали. — Случись снова такая незадача, будет кому подтолкнуть. А я в долгу не останусь, поверьте.

— А чего же, — ответил за рыжего шофер. — В этой машине хоть не будешь стоять — четыре места свободных. Да и удобно же! Я сам, правда, на «Ланосе» еще не ездил. Не приходилось, а слышал.

Вдвоем они легко его уговорили, и парень быстро перенес в легковушку свою объемную, но почти пустую сумку. Сел не рядом, а сзади, на возражение Ярыжской бросил коротко:

— Здесь удобнее.

— Ну, хорошо. — Она дождалась, пока «ПАЗик» запыхтел и отъехал, убавила громкость магнитофона, потом внимательно посмотрела на

своего новоприобретенного попутчика в зеркальце заднего обзора. — Давайте знакомиться. Ольга.

— Борис.

Догадливые читатели уже сообразили, что это был наш знакомец, Боря Тур.

Ярыжская ехать не спешила:

— Не хотите сигарету?

— Благодарю. Не курю.

— Я обожаю некурящих мужчин! — Она повернулась и налегла локтями на спинку кресла. «Ланос» — не самая маленькая в мире машина, но такое расстояние между собеседниками обычно называют интимным. А тут еще и дополнительные искушения: матово-розовое лицо, смеющиеся черные глаза, веселый кучерик на виске, призывная музыка. И смуглый запах духов, запах прекрасной женщины.

Борис тоже загорелся:

— А вы очень интересная женщина. И очень рисковая.

— Чем же я рискую?

— Ничего себе! Берете в машину первого попавшегося незнакомца. А если я — бандит? Только что из тюрьмы? Что тогда?

— Из тюрьмы? Неужели? Нет, правда? На уголовника вы не похожи. Или похожи? Тогда будет еще интереснее.

Как искучительно она засмеялась, у него по

коже огромные горячие муравьи побежали!

Она была старше и опытнее, а Борис несколько лет почти не видел женщин. А тут еще такая краля подвернулась... Было интересно. И не только. С такой женщиной всегда приятно и интересно.

Он быстро убедился — насколько.

Роковая женщина влюбилась

Это произошло.

Роскошная темно-бордовая роза в конце концов распустилась. Навстречу неслыханной грозе. С ливнем, ураганом, стоном ветра.

Цветы любят дождь. Клонятся от ветра, распрямляются, сгибаются снова и упруго качаются.

Но бурное ненастье закончилось, и она осталась в спокойно-скучном мире одна. Орошенная блестящими воспоминаниями, которые быстро высыхали на солнце, оставляя в сердце неслыханную жажду.

Он вышел на окраине и ушел неизвестно куда. Не оставив следов и ниточек. Только загадочно бросил на прощанье:

— Я и сам пока ничего не знаю. Посмотрим по обстоятельствам.

Шикарные лепестки закручивали венчики,

стараясь ухватиться за остатки страсти, пролетевшей весенней грозой. И осыпались. Враз. Оголенный стебель жаждал пальцев, которые соберут лепестки в горсть.

Осыпавшаяся роза. Обезумевшая от любви женщина.

Но довольно метафор.

Ольга с пеленок знала, что неистовая любовь уготована ей судьбой. Если она встретит **его**, в ее мирене останется ничего, не затронутого этой страстью. Если надо — она свернет горы, если надо — наклонит небо. Но будет с любимым. Несмотря ни на что.

И вот он вышел к ней из задрипанного автобуса. И она наконец поняла, какой он, **единственный**. Ослепительно молодой, железно мускулистый, высокий, немногословный. Прозрачные голубые глаза, мужественная улыбка, коротенькие шелковые локоны цвета огненной меди.

Приехал ненадолго по делу. Остановится в гостинице.

Он не должен был забыть ее. Ни за что! Они обязаны соединиться. Навсегда. Или, по крайней мере, надолго.

Для чего судьба вела его именно в Барвинковцы? Именно теперь? Для встречи с Ольгой Ярыжской?

Увы, как и все ослепленные страстью женщины, она ошибалась.

Первый труп

Невезение поселилось в доме Нади Щукиной несколько лет назад — всерьез и надолго. Вышел на пенсию отец, который до того занимал довольно солидную должность и всегда во всем помогал единственной дочери. В результате инфляции в одно мгновение «сгорели» немалые семейные сбережения. Ушел к другой, как казалось, верный и любящий муж. Квартиру они разменяли без лишних эксцессов — тихо и мирно. Сначала, как приличный отец, он материально помогал им с Маринкой, но вскоре новая жена осчастливила его двойней, и дочери от первого брака теперь перепадали только жалкие крохи.

Именно тогда на Надином лице поселилось выражение вечной вселенской неудовлетворенности, кончики тонких губ печально опустились, а под глазами появились первые досадные морщинки.

Они с дочкой застряли на мели, забуксовали на нищенской обочине жизни.

Зарплата учителей — это тема для трагедии шекспировского уровня или целого ряда сентиментальнейших рассказов в духе

неувядаемого О'Генри. Бесконечные обсуждения проблем, неожиданно свалившихся на беспомощных женщин, не подготовленных к ним ни морально, ни психологически, а главным образом — обнищавших материально, неопровержимо доказывали: без больших (очень больших!) денег к институтам теперь и не подступишься. На «бюджет» — и мечтать нечего. Семейство Щукиных сэкономило на всем, каждую выкроенную копейку несли в банк, но их депозитный валютный счет рос такими черепашьими темпами, что необходимая на учебу сумма едва могла набраться к пенсии дочери.

Надя как раз снова и снова мысленно прикидывала безрадостное будущее подрастающей Маринки, когда ей на глаза попало объявление, всколыхнувшее все Барвинковцы:

Состоятельная семья возьмет

на работу на конкурсной основе:

экономку с высшим образованием (желательно педагогическим),

двух уборщиц, сантехника,

дворника-садовника (желательно специальное образование), охранников.

Временно — строителей высшей квалификации.

Зарплата высокая.

Надя спрятала гордость в карман и пошла на собеседование к Ярыжским, которые недавно приватизировали местный музей и переоборудовали его во что-то наподобие загородной виллы. Они постепенно, комната за комнатой, осваивали большое пространство двухэтажного дома, а Надя (до этого — учитель высшей квалификационной категории Надежда Карповна), взятая на работу одной из первых, поселилась в нем на полном пансионе и сначала стряпала для бригады ремонтников и привередливого столичного реставратора, потом получила более чистую работу экономки-официантки-горничной. Платили ей неплохо, грех роптать, но относились настолько пренебрежительно, что выражение недовольствия осталось бы постоянной маской на лице бывшего педагога Щукиной, если бы змея-хозяйка не требовала в своем присутствии любезной улыбки. Купленная с потрохами Надя за два дня научилась, как стюардесса из глянцевої рекламы, радостно раздвигать послушные губы, кто бы ни попадал в поле зрения.

Поэтому она сначала изобразила довольно искреннюю улыбку, увидев родную внучку старшей уборщицы — Тимофеевны, уборщицу младшую — Алинку, нагло раскинувшейся на диване, который должна была в это самое время старательно

пылесосить. Еще и личико свое молоденькое заслонила от солнца наманикюренными пальцами. Ногти, как всегда, покрыты вульгарным перламутрово-зеленым лаком. И кустарной серебристо-золотой росписью.

В обязанности экономки (намного более легкие, чем классное руководство, с которым Щукина всегда справлялась великолепно) входил, помимо всего прочего, надзор за всеми работниками в доме, и Надя для начала ехидно спросила:

— Тебе не твердо там, Алиночка? Удобно? Решила немножко передохнуть? Еще пару подушек не принести?

И в это время заметила одну из подушек. На полу. Интонация враз стала крикливо-учительской:

— Алька! Ану-ка вставай! Развалилась! Дома разлеживаться будешь, меньше с кавалерами по ночам шляться надо!

Но девушка не шевелилась, и Надя, почуяв недоброе, осторожно взяла ее за плечо.

Голова Алины неестественно откинулась, холодная рука упала вниз, зацепив Надину ладонь зеленым ногтем.

Произошло что-то совершенно необъяснимое с точки зрения здравого смысла. Жуткое и непоправимое. Алинка, миниатюрная восемнадцатилетняя девушка в аккуратном

фартушке с оборками, лежала на диване мертвая. Открыв рот и выпучив остекленевшие глаза.

Надя плотно закрыла свои задрожавшие губы двумя руками. Ужас сковал ее.

Не спеша пошла звать хозяйку, целый день сегодня не выходившую из спальни. Она там читала романы и слушала музыку.

А Ярыжского снова не было дома.

Почему-то все ужасное в этом особняке всегда происходило без него.

Встреча за решеткой

Косые лучи солнца заливали камеру предварительного заключения, теперь симпатично называемую СИЗО.

Боря Тур снова попался.

И опять — ни за нюх табака.

Хорошенько набродившись по барвинковским улочкам, он внезапно увидел того, ради кого сюда и прибыл, — Кирилла Свинаренко. Тот спокойно и деловито сел в новенький джип. Солидного черного цвета. И сам весь такой импозантный, степенный, прямо-таки излучает ауру успешности, прочности и уверенности.

Побежал за ними обоими — Кириллом и автомобилем, но только и успел вдохнуть полные легкие выхлопных газов — шикарный джип

стартовал по-спринтерски живо.

Борис не сдержался, крикнул вслед пару «теплых слов» и сразу же услышал сзади:

— А чего это ты, пацан, так громко материшься? В общественном месте!

— Пошел ты на фиг! — Боря еще не остыл. — Какое тебе здесь общественное место?

— Улица, — убежденно заверил его неуклюжий амбал с постным лицом провинциального проповедника.

Тур так же громко и отважно выложил ему свое мнение об этой улице и всех на ней находящихся личностях, а этот моралист оказался местным участковым милиционером, который мирно прогуливался по морозцу с двумя коллегами. Все трое были коварно одеты в штатское.

Короче, за полчаса протокол о злостном хулиганстве и сопротивлении милиции ранее судимого Б.В. Тура был готов, а сам Борис Вениаминович снова оказался за решеткой. Вместе с двумя алкоголиками (полностью опустившимися бомжами) и двумя ворами. Старший, добродушный круглолицый селюк просто стащил у вредного соседа улей, давно хотел и себе завести пчелок, а тот жмот не желал делиться. Младший, плюгавый и прыщавый, — опытный домушник.

С ним и завязался задушевный разговор.

— Не-а, — тяжеломерно говорил он Боре,

почесывая спину, — эт ты, братан, ошибаешься. Я всех местных авторитетов знаю. У нас тут никакого Свиноаренки сроду не было. А джип такой только у Ярыжского.

— Ты про него знаешь? Что он за птица?

— Чудило! Кто ж про него не знает!

Познавательную беседу прервали грохот двери и зычный голос:

— Тур! Давай на выход, с вещами!

Вещей с собою не было.

Длинный темный коридор (попробовал бы он стать светлым с такими болотно-зелеными стенами!). Пахнет пылью и плесенью. И в спину подталкивает обязательный вездесущий сквозняк.

Кабинет следователя справа.

Убого меблированная, насквозь прокуренная комнатуха. За столом — худой сутулый парнишка в темненьком костюмчике. Поднял очкастое лицо с выпяченными губами. Улыбнулся, открыв большие беличьи зубы:

— Привет, Барс!

Боря остолбенел.

Напротив сидел его закадычный интернатский друг Витька Кинчев по прозвищу Тюха.

— Ну и дела... не думал я... Ты — здесь? И... Как же?

— И я, Борька, удивлен. Выше крыши. Ты — рецидивист? Не смей!

— А ты ж вроде собирался на профессора...

— Всему свое время.

— Слушай, я писал тебе, а письма возвращались. Ты чего, не мог новый адрес прислать?

Тюха посмотрел на него так выразительно, что, казалось, и очки вытаращились. Молча полез в шкаф, захламленный истрепанными папками, книгами и просто кипами несвежей бумаги. Положил на стол несколько потертых конвертов с наклеенными клочками бумаги «Адресат выбыл». Письма адресовались Борису Туру.

Они пожали друг другу поднятые вверх руки заученным в детстве жестом — как спортсмены в каком-то старом американском фильме. И Боря тут же то ли объяснил ситуацию, то ли пожаловался на судьбу:

— Ох, Витюха, там закрыли механическое отделение, а меня перевели в Трудовое, на экономиста.

— Вижу, какой из тебя экономист! Сидел за растрату?

— Откуда ты знаешь?

— Элементарно! Знаешь, кем я здесь работаю?

— Кем?

— Следователем. Не таращь глаза — выпадут. Мне предложили вместо десятого класса — в

юридический техникум, я и пошел. А сейчас на заочном в юракадемии.

— Значит, теперь в тюрьму меня старый друг упечет?

— Какая тюрьма? Забудь! Ребята погорячились. Ты тоже хорош! Только из зоны — и снова нарываешься? Ну, остыл тут у нас немного — не будешь на всю улицу матюки гнуть. Кончай хмуриться, сейчас ко мне пойдём, посидим. Расскажешь, как жил, как собираешься дальше. Я через час освобожусь.

Но через час ему пришлось слушать рассказы не старого друга, а свидетелей — доложили об убийстве в доме Ярыжских.

Когда ключи не нужны

Это напоминало игру. Мария каждый день находила у себя в комнате подброшенные кем-то подарки. И ее побледневшие в последнее время щеки заливал яркий болезненный румянец, нетрудно было догадаться — от кого эти милые безделушки.

На этот раз на столике лежала большая морская звезда, аляповато раскрашенная, но очень миленькая. От нее веяло воспоминаниями о летнем отдыхе и счастьем первых признаний. Девушка прижала ее к груди и вдохнула странный аромат. Не моря — красок.

А Вера стояла за пальмой, выросшей не на берегу,

а в кадке. Наблюдала сквозь узор острой листвы, сквозь неприкрытую дверь, сквозь невидимую сеть неприязни.

Медленно подошла и спросила зловеще:

— А если это — дар злой феи?

Маня сначала ничего не ответила, поняла, что сестра на что-то сердится. А потом отозвалась:

— Нет, это от доброго колдуна.

Вера посмотрела в ее беззащитные глаза и подобрела:

— Я не понимаю, почему он приносит подарки тайком.

— Ну, Верушка, ты же тоже любишь таинственность!

— А вдруг это не он? Что тогда?

— Не он? Тогда кто? Ты?

Вера засмеялась, и Мария, легко вздохнув, решительно направилась в комнату жениха, стараясь спрятать звезду в сборках не очень широкой юбки.

Он как раз рассматривал большую ракушку, поворачивая ее против света, слепящими пучками лившегося из крупных ячеек окна.

— Как ты это делаешь? — спросила Мария радостно, но почему-то поперхнулась и закашлялась.

Его глаза стали глубже и темнее, но губы шутливо улыбнулись:

— О чем речь?

— Не притворяйся! Тебя разоблачили! — она показала пеструю звезду.

— Симпатичная. Где ты ее взяла?

— Не мучь меня, мой милый! От кого она — ясно

и младенцу, а вот как ты все это приносишь? Как тебе удастся всегда оставаться незамеченным?

Короткая улыбка:

— Я таки заинтриговал вас всех? Правда?

— Заинтриговал, заинтриговал! Ты своего добился! А теперь скажи — как?

— Ни за что!

— Ну, пожалуйста! А то я умру от любопытства!

— Попробуй угадать.

Она покусала толстый лучик звезды:

— Ах... Не знаю, Вера вот с какими-то потусторонними духами связалась. Они с ней разговаривали.

— Спиритизм? Нет, холодно.

— Скажи сам, станет теплее.

— А что я за это получу?

Девушка кокетливо спросила:

— А что ты хочешь?

— Угадай хотя бы это.

Маня зарумянилась и поцеловала его. Сначала в щеку, а потом он перехватил ее губы, и они замерли в долгом поцелуе, стояли, обнявшись, как и положено помолвленным влюбленным.

— Поклянись, что никому не скажешь. Никогда, — теперь серьезным стало его лицо, но засмеялись глаза.

— Ой, мне уже страшно! — она снова по-детски развеселилась.

— Я хочу, чтобы это было только нашей

тайной, — он склонился над ее ушком и что-то прошептал. Тихо-тихо. Глаза Мани округлились:

— Правда? И об этом больше никто не знает? Никто-никто?

— А ты хочешь, чтобы знали?

Она отрицательно покачала головой.

— Значит, и не будут знать.

Возле самого окна злое ще каркнула ворона, и Мария снова поперхнулась. Кашель был продолжительным и надрывным. Василиай обнял ее сзади за хрупкие плечи и долго не отпускал.

А дверь все время оставалась приоткрытой. И Вера в зале ждала сестру и все это наблюдала. И завидовала. Не кашлю — чужой любви.

Допрос главных свидетелей

— Ну, душили ее, конечно, не на диване. Труп туда уже потом положили, — Кинчев покатал незажженную сигарету между пальцами и еще раз рассеянно обвел взглядом помещение библиотеки Ярыжских, очень напоминавшее дом-музей какого-нибудь писателя конца XIX века.

Надя Щукина вежливо изумилась:

— Откуда вы знаете?

— Вы же сами заметили, что на ней был только один тапок. Другой мы нашли под окном. Там ее и... А вот слышали вы хоть что-то?

— Что же я могла слышать?

— Ну, скажем, шум борьбы, крики о помощи...

— Нет. У Ольги Владимировны все время музыка громко играла. Тимофеевна брюзжала... Нет, это раньше, они с Алькой спорили. — Надя прерывисто вздохнула. — Ох, бедная девочка... А Тимофеевна... Подумать страшно, что с ней теперь...

Виктор Кинчев с симпатией смотрел на экономку. Выглядела она весьма прилично: серый вязаный пуловер, отутюженные черные брюки, волосы русые, аккуратно подстриженные, уложены красивыми локонами. В ушах — тоненькие золотые колечки. Ничего чрезмерного: скромность, исполнительность, дисциплинированность. Она нервничала, но старалась держать себя в руках. Наверное, такой бывала и тогда, когда ей хамили старшеклассники.

— Что собой представляла потерпевшая Алина Павловна Зацепа? Вы хорошо ее знали?

— Как сказать... Она училась у нас, ну... неважно училась. После школы никуда не поступила. Отец давно уже не работает, выпивает, конечно. Мать поехала на заработки — и пропала. Прислала из Португалии пару посылок — и все. Они два года на бабкину пенсию перебивались. Нашли вот работу, старались угодить, чтоб не

выгнали. Тимофеевна больше старалась, а Алина, она...

— Не старалась?

— Не то, чтобы не старалась. Но... У нее больше кавалеры в голове, а не работа... Молодая все-таки... Была.

— А подозрительного вы ничего не замечали?

— Подозрительного — нет. Но странное бывало.

Кинчев ободрил ее взглядом.

— Она видела в зеркале девушку.

— Не понял.

— Не себя.

— Стоп-стоп-стоп! Смотрела на себя в зеркало и видела не себя?

— Ну, не совсем смотрела. Говорила, что так, сбоку. Будто похожа на нее, красивая, с длинными волосами. В белом. Алька верила, что это призрак. Говорила, что она была похожа на дочь первого хозяина этого дома. Здесь, в большом зале, семейные портреты висят.

— Где это было, она уточняла?

— Конечно. Внизу, в зеркальном зале.

— А это не было просто отражением картины?

— Нет, картины на втором этаже, в большом зале.

— Зеркальный зал, большой зал?

— Ну, мы их так называем.

— Здесь все комнаты имеют названия?

— Не все. Но их много, надо как-то отличать.

— Значит, широкий коридор внизу — это зеркальный зал?

— Да.

— А еще?

— Сразу как зайдете, по правую сторону от входа — это кинозал, его еще домашним кинотеатром называют, над ним — библиотека. Возле кухни — столовая. На втором этаже — большой зал. Спальни для гостей думают называть по цветам: розовая, голубая, желтая.

— Все они на первом этаже?

— Да, а спальня хозяев — на втором, возле библиотеки. Возле маленького зальчика, он еще без названия, — спальня для родственников.

— Родственники здесь уже бывали?

— Нет. С тех пор, как я здесь поселилась, — точно нет.

— Вы спите здесь, в доме?

— Чаще всего — да.

— Еще кто-то, кроме вас и хозяев, ночует здесь?

— Гости бывают.

— Сегодня или вчера были?

— Нет, — она покачала головой.

— Где вы спите?

— На первом этаже, в комнате для прислуги.

Кинчев улыбнулся участливо:

— Вам удобно называть себя прислугой?
Учительнице, с высшим образованием?

— Определенный дискомфорт есть, но...
Ничего страшного. Я получаю, между прочим,
больше директора школы. Кстати, в школе меня
унижали больше. И чаще.

— Ученики?

— Все, кому не лень. — Она обиженно
поджала губы.

— Хм-м... Возвратимся к делу. В дом можно
пройти незамеченным?

— Наверное, да. Если тихо пройти через
парадную дверь — ее с утра не запирали. Или через
кухню.

— Есть еще входы? Кроме парадного и через
кухню.

— Есть, через кинозал и еще одну комнату.
Но там всегда заперто, ключ от той двери есть
только у хозяина.

— Вы видели, чтобы он пользовался этим
входом?

— Не видела, но знаю, что пользовался.

— Почему именно им?

— Туда легче подъехать машиной. Под самую
дверь.

— Кроме девушки в зеркале, ничего

подозрительного не было?

— С Алькой — нет.

— А с кем-то другим?

Надя коротко и бесцветно рассказала о необыкновенном бульканье унитаза. Кинчев заинтересовался:

— А тогда кто-нибудь не мог зайти в дом незамеченным?

— Нет, мы сразу обходили соседние комнаты, а Кирилл Иванович посылал охранника и парк проверить, когда при нем булькало.

— А следы?

— Следов бывало много. Но никаких подозрительных... Ну, ничего такого...

— Алина тоже что-то подобное слышала? Из унитаза?

— Нет.

— Алину нашли в маленьком зале? Что она там делала?

— Прибирала. Мы каждый день прибираем. В нижних спальнях заканчивают стелить паркет, пыль поднимается и вверх...

— Бабушка Алины о смерти внучки от вас узнала?

— Да, — Щукина горестно вздохнула-всхлипнула.

— И что же? Как она реагировала?

— Она... она... сначала не поверила... А

потом, когда увидела... Она так странно воскликнула: «Я так и знала!» — и все.

— Что еще говорила?

— Ничего. Плакала. На пол села — и плакала.

Потом ее «Скорая» увезла.

— Что она могла знать наперед?

— Тимофеевна? Понятия не имею!

— Она раньше говорила с вами об Алине?

— Да, конечно. Но ничего такого... Чтоб наперед...

— О чем именно вы говорили?

— Ну, так... Про моложежь вообще. И что Алинке учиться бы, профессию какую приобрести. Не век же ей уборщицей...

— Сама Алина учиться собиралась?

— Не так, чтоб собиралась... Но интересовалась парикмахерами, маникюром...

— Насколько это было серьезным?

Насколько это было серьезным?

Адя помолчала, глядя в сторону.

— Наверное, это были ее мечты. Она представляла себе работу парикмахера как что-то близкое к фотомодели. Макияж, косметика... Красота... Мы ей советовали пойти к какому-нибудь мастеру ученицей...

— Не пошла?

— Собиралась, но... Тут работы хватало, а ей же и погулять хотелось, с приятелями...

— Разрешите доложить, — просунул голову в дверь румяный помощник Кинчева Коля Власенко. — Вокруг дома — никаких следов. Ночью снег падал, было бы сразу видно. Только дорожки: к дому, к сторожке, к гаражу, к мусоросборникам — их дворник расчистил, и машина к заднему крыльцу подъезжала. Там отпечатки ботинок двух разных людей, сорок второй размер примерно.

— Заднее крыльцо?

— У кухни.

Следователь вопросительно посмотрел на Щукину. Надя пояснила:

— Мы заказывали продукты, из магазина. Как обычно. Их привезли.

— Тьфу! — Кинчев бросил на стол сигарету. — Классическая закрытая комната! Если не считать расчищенных дорожек, конечно.

Молодой милиционер страдальчески скривился:

— Что?

— Ничего. Ты бы, Николай, детективы почитал что ли... Хотя бы классику. Ну, Холмса там, Агату Кристи.

— Некогда, работаем.

— Ну-ну, иди работай, — процедил следователь с такой иронией, что жизнерадостный Власенко растерялся:

— А что еще делать?

— Позови хозяйку. А потом еще раз обойди помещения. Может, найдешь, наконец, орудие убийства.

Николай Власенко кивнул и вмиг исчез за дверью.

— Орудие? — испугалась Надя. — Ее разве не руками...

— Все выясним, не беспокойтесь. Вспомните еще раз, кто мог войти в дом. Не исключено, что Алину убил кто-то из своих.

— Кто? Господи, кому это было нужно?

— Так кто был в доме? Давайте повторим еще раз.

Щукина тяжело вздохнула и снова начала перечислять:

— Ольга Владимировна отдыхала у себя в спальне, Тимофеевна и Алина прибирали, строители, трое, работали внизу. Где-то за полчаса до... Это тогда из магазина привезли продукты, на кухню. Я принимала. В это время туда и Коля заходил, наш охранник.

— Зачем?

— Перекусить просил. Ну, и еще... Он немного за Алькой приударивал... Поболтать хотел. Но я не пустила. Кажется, больше никого не было.

— Фамилия охранника?

— Гапченко, Коля Гапченко.

— В каком смысле он «приударивал» за Алиной Зацепой?

— Да так... Разговаривали, шутили. Алька — девушка веселая... была.

— Значит, Николай Гапченко оказывал ей знаки внимания, и она на них отвечала?

— Да не только Николай. И Дима Дука с ней пообщаться любил.

— Дука — это ваш второй охранник?

— Да.

— Где они встречались?

— Во дворе, на кухне. Когда хозяев не было — в нижнем зале. Но это редко.

— А строители ей знаков внимания не оказывали?

— Я как-то не замечала... Ну, за обедом, бывало, пошутят. Они внизу работают, а Алина чаще всего наверху прибирала.

— А внизу?

— Внизу Тимофеевна убирала.

— Что еще входило в обязанности Алины?

— Мусор выносила. За гаражом у нас контейнеры стоят. Иногда мне помогала на кухне.

— Кто забирает мусор?

— Коммунхоз, у нас договор с ними. Два раза в месяц вывозят.

— Когда в последний раз вывозили?

— Дня три назад.

— Кто привозил продукты?

— Экспедитор из магазина «Мечта гурмана», его зовут Максим Алексеевич. Фамилия — Стреляный.

— Вы его хорошо знаете?

— Почти совсем не знаю. А фамилию он на счетах писал. Я все счета собираю и потом перед хозяйкой отчитываюсь. За каждую копейку, — Щукина словно пыталась защититься своей честностью, как щитом, от любых подозрений.

— Заказываете по телефону?

— Да.

— Экспедитор этот, Стреляный, в дом заходил?

— Только в кухню. И сразу же уехал.

— Откуда вы знаете, что сразу?

— Слышала шум мотора.

— Играла громкая музыка, — напомнил следователь и поправил очки интеллигентским жестом.

— Да, наверху, у Ольги Владимировны. Но на кухне ее почти не слышно. А машина у них старая, мотор, как у трактора, ревет.

— А если водитель уехал, а экспедитор остался?

— Да он у них один — он и водитель, и экспедитор.

— Хорошо. Вы, Надежда Карповна, запишите все, что мне сейчас рассказывали. Там Коля Власенко по дому ходит, он образец покажет, как оформлять.

Кинчев отпустил Щукину. Осмотрел библиотеку, где устроился для допроса свидетелей. Старинная. Мебели не меньше ста лет. Шкафы запираются, темное дерево до сих пор сохраняет благородный вид. Книги большей частью тоже довольно старые. Под стеной, отдаленной от окон и балкона — железная меретка винтовых ступеней — вверх, к маленькой островерхой башне, возвышающейся над крышей. Похоже, именно это помещение ремонт затронул меньше всего. Только неярко блестит новенький паркет. Новизной сияют и прекрасный музыкальный центр и огромный, сработанный под старину, глобус. Выключенный компьютер с плоским экраном выглядит инородным вкраплением. Всюду — порядок и идеальная чистота.

— Ох, извините, я до сих пор не могу прийти в себя.

Ольга Ярыжская пришла в черном бархатном платье, уже успела снять яркий цветастый халат, в котором Кинчев увидел ее сначала.

— Все нормально, присаживайтесь, — он сразу повел себя, как хозяин, снова уселся за письменный стол, ей кивком предложил стул

напротив, хорошо освещаемый розовыми лучами солнца. — Так что же мы имеем?

— Ужас! — Ольга Владимировна, все еще стоя, сложила ладони чуть ниже подбородка и привлекательно выпятила пышные груди. — Ужас и кошмар! Поверьте, я не знаю, что и сказать.

— Рассказывайте по порядку.

— Разве здесь есть какой-то порядок?! Убийство в нашем доме! Это ужас! Это такое несчастье!

— Вы сядьте и успокойтесь.

Она села и вдруг кокетливо улыбнулась:

— Вы всем так говорите?

— Как?

— «Успокойтесь».

— Нет, только беспокойным.

— Вы меня в чем-то подозреваете?

Виктор искренне вздохнул:

— Мы всех подозреваем. Такая работа. Но обвиняем только на основании фактов. Вот о них и расскажите.

— Я ничего не знаю. Я у себя в комнате была, отдыхала. Вчера столько хлопот было! Я просто лежала и читала. И слушала музыку. Алину нашла Надя. Я только услышала ее крик.

— Чей — Алины или Щукиной?

— Алины. А потом пришла Надя и сказала...

— Вы сразу вышли?